

Признание народного артиста Михаила Ульянова на творческом вечере в рабочем клубе

Обычно на встречах со зрителями меня спрашивают, что я больше люблю: играть в театре или сниматься в кино? Отвечаю сразу, определенно: работать в театре! Я вижу на ваших лицах недоумение и недоверие: ведь именно кино с его многомиллионной аудиторией создаст актеру популярность...

Это верно. Кино дает актеру много — и, так сказать, возможность «увекочиться», и, главное, сказать широчайшим массам людей то, что его волнует самого, что им постигнуто, выстрадано. И все же театр — мой родной дом. Здесь — коллектив, с которым связывают общие взгляды, творческие устремления, чувство товарищества, взаимопонимание. Сюда я прихожу с радостью от удачи, здесь «зализываю раны» после поражений. В кино, даже если я снимаюсь вместе с коллегами-единомышленниками, прекрасными актерами и людьми, коллектив — категория временная. Сделан фильм, и творческое объединение распалось, каждый вернулся в свой театр-дом.

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

Театр — и это главное — обладает одним чудодейственным свойством, которого нет и не может быть ни у кино, ни у телевидения и благодаря которому он, вопреки предсказаниям, живет, выдерживает конкуренцию с ними и по-прежнему владеет человеческими сердцами. Оно, это свойство, заставляет людей выстаивать многочасовые, а иногда и многодневные очереди за билетами, гонит их с мягких кресел и уютных диванов в толкучку метро — и во имя чего? Чтобы посмотреть спектакль, который нередко через какое-то время можно будет увидеть и дома, по телевизору?.. В чем же дело?

Дело в том, что театр (как никакое другое искусство) обладает магией живого человеческого общения, когда мы, актер и зритель, беседуем с глазу на глаз, размышляем о жизни, человеческих отношениях. На сцене усилиями актера рождается (правда, бывает, что и не рождается) новая человеческая индивидуальность, живая человеческая душа. И зрители, сидящие в зале, являются соучастниками этого рождения, они вовлечены в духовный мир сценического героя, живут его чувствами.

Живое творчество, происходящее на глазах у зрителя и при его сопереживании, — вот чем притягивает людей театр. В нашей напряженной жизни мы постоянно торопимся, у нас не хватает времени, чтобы (не по телефону) поговорить друг с другом по душам. Мы разучиваемся спорить — каждый спешит высказать свою точку зрения, а уж выслушать аргументы собеседника ему некогда. В театре же мы отключаемся от повседневных забот и дел и думаем, переживаем, дискутируем: потребность-то в этом общении осталась...

И очень важно, чтобы предмет наших взаимных раздумий был бы основателен и интересен, заслуживал бы сердечного внимания. Увы, так бывает не всегда, и не всегда актер повинен в этом. Чтобы зритель ушел из театра задетый за живое, взволнованный, тем более потрясенный, актерского таланта мало. Нужна интересная роль, драматургический материал. Но как часто еще приходится со сцены «открывать» давно открытое, как абызды два — чепуху, истину. И сколько ни старайся, как ни «выкладывайся» — не расстроишь человеческое сердце. Как часто сценический герой вызывает у зрителя тоску, уныние. А должен приводить в озабоченность! Только тогда человек начинает анализировать, сопоставлять, размышлять, а значит, жить духовно насыщеннее, полноценнее.

Вот таким героем был, мне кажется, Егор Грубников из фильма «Председатель». Эта роль дала мне очень многое и как актеру, и как человеку, хотя работать над ней было нелегко: масштаб моей личности не соответствовал человеческому размаху киногероя. Этот образ захватил меня грандиозной насыщенностью драматургического материала, яркостью характера. Все в Грубникове крупно, сильно, убедительно — точность его цели, ярость, с которой он к ней идет.

Снималась картина на натуре, в

подмосковных деревнях Мышкино и Красновиновом Можайского района. Мы познакомились с местными жителями, некоторые из них участвовали в эпизодах и массовых сценах фильма. И я многое открыл для себя. Люди нелегкой судьбы, прошедшие войну, тяжелые жизненные испытания, не согнулись, не сдались, наоборот, сумели сохранить удивительную жизнестойкость и жизнелюбие. Наблюдая их самолюбные характеры, типичные черты и черточки, привычки и внешние детали, я «впитывал» в себя этот человеческий материал и пользуюсь им по сей день. Вот и недавно, репетируя роль директора завода в спектакле «День-деньской», я воспользовался наблюдениями из этого бесценного «багажа».

Великолепной школой для актера является работа над образами героев Достоевского, этого величайшего знатока человеческих душ. Для меня мир Достоевского по-настоящему впервые открылся через образ Рогожина из «Идиота», поставленного в нашем театре имени Вахтангова. Но особенно дорог мне роль Дмитрия Карамазова, которую я сыграл в фильме «Братья Карамазовы». Может быть, потому что далась она мне алскими муками. Долгое время ничего у меня не получалось. Я беспрестанно перечитывал роман, на репетициях был предельно собран, «выкладывался» весь без остатка, приходил домой с охрипшим голосом, но никого, кто смотрел и слушал меня, моя игра не трогала. И вот однажды (обычно в таких случаях говорят «вдруг», хотя никакого «вдруг» не происходит, просто накопленный актером материал начинает «срабатывать»), перечитывая то место в книге, где Митеньке снится, что он едет по деревне и видит ужасающую нищету, изможденных женщин с синюшными детьми на руках, и он горестно восклицает: «Как беден народ!..», меня осенило: трагедия моего героя в том, что ему никто не верит. Человек яростных душевных всплесков, безудержности, он открыт и незащищен, бьется с обнаженным сердцем о железные углы людской жестокости, неверия, равнодушия. Я подумал: вот что взволнует зрителя. В наше время тоже случается, когда в стремительном беге быстротекущей жизни мы не замечаем подчас чужой боли, потребности в нашем участии, доброте.

Эту мысль — человеку необходима доброта — я старался сделать главной в фильме «Последний день». Участковый милиционер, в силу своей профессии постоянно соприкасающийся с темными сторонами жизни — пьянство, хулиганством, воровством, не ожесточается, не теряет доброты к людям, он помогает одним обрести себя, другим преодолеть дурную привычку, третьим по-иному посмотреть на мир. Этот герой мне тоже дорог (как, впрочем, все сыгранные роли — это как дети, но кто-то из них, тоже как дети, ближе тебе, кто-то дальше). Вероятно, еще и потому, что работа актера также имеет своей целью сеять разумное, светлое, доброе. Хотя многие считают нашу профессию странной, даже подозрительной: лезть в наш рациональный век взрослые люди надевают чужую одежду, наклеивают бороду или усы, говорят чужие слова. Несерьезно это. Помню, как, будучи еще студентом, я приехал в родное омское село на каникулы. Соседи с уважением поглядывали на меня — я учился в самой Москве. Но как только узнавали, что учусь я в театральном училище, тут же разочаровывались, снисходительно, жалостливо улыбались: «Будешь, значит, артистом... Из погорелого театра?..» И, не выдержав, прыскали.

А молодежь видит в нашей профессии только блеск, славу, лавры... И вот скоро опять начнут звонить папы и мамы с просьбой прослушать их сыновей и дочек: хотят стать актерами. И я всех буду отговаривать. Профессия актера сколь прекрасная, столь и жестокая. Творческая судьба артистов складывается отнюдь не безоблачно — сплошь и рядом разбитые надежды, обманутые мечты, исковерканные души. И несостоявшиеся слесари, учителя, бухгалтеры. Можно хорошо, интересно прожить жизнь, будучи средним инженером или средним врачом. Но не средним актером. В искусстве увенчивается лаврами только открытие, только новое слово. Современный зритель — сулуда строгий, беспощадный и не прощает серости, посредственности, трафарета. Даже тот, кого признают за истинный талант, не может позволить себе расслабиться, рассредоточиться на спектакле — тотчас в зале начинают шлепестить конфетными бумажками, программками. Зритель должен уйти из театра растревоженным, с зажженной в сердце радостью, гневом или болью — иначе он не захочет сюда вернуться.

И все же, если меня спросят, стал ли бы я актером, будь у меня вторая жизнь, я без колебаний ответил бы: «Да!» Потому что актер — не только слуга, но и властелин душ человеческих. Он заставляет их вместе с собой плакать и смеяться, любить и ненавидеть. Потому что 1200 зрителей, заполняющих каждый вечер зал театра имени Вахтангова, с зампиранием ждут его слова. И потом долго вспоминают его. А при встрече с актером, бывает, спрашивают его, как он себя чувствует, и смотрят при этом прямо в глаза.

Выступление М. А. Ульянова в Доме культуры издательства «Правда» записала О. КАЗАНЛИ.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА

- 6 АПР 1974